

Научная статья / Research Article

УДК 94(47):94(420) "1918"

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117

Сергей Алексеевич Миронюк

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

privetsergey95@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ МЕМОРАНДУМА «СИБИРЬ» (МАРТ 1918 г.) И ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В СИБИРИ

В статье рассматривается меморандум разведывательного бюро Департамента информации Великобритании «Сибирь» в контексте истории британской политики интервенции в Сибири. Цель исследования – анализ содержания и определение значимости этого документа для организации вмешательства Соединенного Королевства в российский регион. При написании статьи были использованы метод контент-анализа и системный метод: первый метод позволил раскрыть и исследовать детально текст меморандума «Сибирь», второй показал взаимосвязь его содержания с военно-политической и международной ситуацией в первой половине марта 1918 г. Меморандум состоит из двух частей. В первой части от 14 марта 1918 г. представлена характеристика географии, истории и населения Сибири, а также изложены перспективы реализации японской интервенции в этом регионе; вторая часть, датированная 19 марта 1918 г., затрагивает развитие торговли в Сибири до Первой мировой войны и политическую ситуацию в регионе до и после Февральской революции. По мнению разведывательного бюро, регион привлекателен с экономической точки зрения. Вскользь высказывалась мысль о возможности вхождения Сибири в сферу влияния Германии. В условиях продолжения Первой мировой войны и выхода из нее Советской России меморандум «Сибирь» отвечал актуальной повестке дня Военного кабинета Д. Ллойд Джорджа: подготовке и реализации британской политики интервенции в российском регионе. Документ способствовал определению мотива и цели этой политики: страх попадания Сибири со всеми ее ресурсами под контроль Германии и предотвращение такого развития событий. Содержавшаяся в меморандуме «Сибирь» информация имела важное значение для выстраивания британского внешнеполитического курса вмешательства, позднее ставшего одним из факторов Гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, интервенция, Сибирь, Дальний Восток, Великобритания, Военный кабинет, Д. Ллойд Джордж

Для цитирования: Миронюк С.А. Содержание меморандума «Сибирь» (март 1918 г.) и его значимость в контексте формирования британской политики в Сибири // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 107–117. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117.

Sergey Alekseevich Mironyuk

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

privetsergey95@mail.ru

SIBERIA MEMORANDUM CONTENT (MARCH 1918) AND ITS SIGNIFICANCE UNDER BRITISH POLICY FORMATION CONTEXT IN SIBERIA

The paper examines the Siberia memorandum of the Intelligence Bureau of the British Department of Information in the context of the history of the British policy of intervention in Siberia. The purpose of the study is to analyze the content and determine the significance of this document for organizing the intervention of the United Kingdom in the Russian region. When writing the paper, the methods of content analysis and systems method were used: the first method allowed to reveal and study in detail the text of the Siberia memorandum, the second showed the relationship of its content with the military-political and international situation in the first half of March 1918. The memorandum consists of two parts. The first part, dated March 14, 1918, presents the characteristics of the geography, history and population of Siberia, and also sets out the prospects for the implementation of Japanese intervention in this region; the second part, dated March 19, 1918, touches on the development of trade in Siberia before the First World War and the political situation in the region before and after the February Revolution. According to the Intelligence Bureau, the region was attractive from an economic point of view. The idea of Siberia possibly entering the German sphere of influence was briefly mentioned. In the context of the continuation of the First World War and the withdrawal of Soviet Russia from it, the Siberia memorandum corresponded to the current agenda of the War Cabinet of D. Lloyd George: the preparation and implementation of the British policy of intervention in the Russian region. The document helped to define the motive and goal of this policy: the fear of Siberia with all its resources falling under German control and the prevention of such a development. The information contained in the Siberia memorandum was of great importance for the development of the British foreign policy of intervention, which later became one of the factors of the Civil War in Siberia.

Keywords: First World War, Civil War, intervention, Siberia, Far East, Great Britain, War Cabinet, D. Lloyd George

For citation: Mironyuk S.A. Siberia memorandum content (March 1918) and its significance under British policy formation context in Siberia // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 3. S. 107–117. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117.

Введение. Сибирь имеет огромное значение для развития Российской Федерации. Именно поэтому владение, освоение и модернизация этой территории были и остаются важным элементом сохранения и усиления страны как ведущей державы в мире. Регион отличается ресурсным разнообразием и уникальностью местоположения. Многие государства, в первую очередь США, КНР и Япония, интересуются Сибирью. В этой связи

она находится в центре общественного и научного внимания в России и мире, что и обуславливает актуальность сибирской тематики.

Для научного сообщества представляется важным проведение исторических исследований, связанных с Сибирью. В них подчеркивается ее значимость и место в Российском государстве и системе взаимоотношений России со многими странами, а также взаимосвязь истории

региона с современностью. Исторические исследования Сибири отличаются разнообразием и глубиной тем, включая ее формирование и развитие в контексте роли внешних и внутренних факторов в этих процессах.

К числу таких факторов относилась и британская политика интервенции в Сибири (ноябрь 1917 – декабрь 1919 г.). Этой теме посвящено большое количество отечественных и зарубежных работ. В них, в частности, ставились задачи определения мотивации и целеполагания этой политики.

Советские историки А.И. Анишев [1], Н.Н. Яковлев, С. Полуниин [2], Е.Е. Якушкин [3], Г. Рейхберг [4], О.Ф. Соловьев [5], Г.В. Кузьмин [6], С.Г. Лившиц [7], Ф.Д. Волков [8], М.И. Светачев [9] видели в британской политике интервенции в Сибири, как в целом в России, стремление правящего класса Великобритании уничтожить ненавистное ему пролетарское/социалистическое государство. Эта страна добивалась восстановления российского капитализма и установления контроля над этим регионом. В целом в советской историографии британская политика интервенции в Сибири изучалась как в рамках отдельного исследовательского направления, так и других, более широких.

В постсоветский период значительное внимание отечественных историков было направлено на восполнение пробелов советской историографии Гражданской войны и интервенции, в частности, на изучение белого движения, его социального состава и других нюансов. В этой связи следует отметить работы В.Д. Зиминой [10], Р.Г. Гагкуева [11], В.Ж. Цветкова [12, 13].

Относительно британской политики интервенции в Сибири эта тема стала меньше изучаться, и количество работ по ней сократилось. Она рассматривалась только в рамках более широких направлений, например, истории Первой мировой войны, внешней политики России и международных отношений. Из трудов этого периода выделялись работы А.И. Уткина [14], Н.Е. Быстровой [15] и

Е.Ю. Сергеева [16]. Они отличались изменившимися взглядами на причинно-следственную связь и динамику британского вмешательства в Сибири. По мнению названных авторов, Великобритания проводила эту политику, исходя из сложившейся военной ситуации и собственных интересов.

В зарубежной историографии проблема британского вмешательства в Сибири рассматривалась либо в большей степени в рамках широких тем, либо в меньшей степени отдельного исследовательского предмета. Такие историки, как У. и З. Коутсы [17], Дж. Уайт [18], Р. Селлен [19, 20], Р. Ульман [21], Дж. Бредли [22], Р. Джексон [23], М. Хадсон [24], Я. Моффат [25], представляли политику интервенции как превентивную военную меру против Германии. Мотив и цель, по их мнению, были связаны с тем, чтобы воспрепятствовать противнику извлекать выгоды от использования им территории Сибири для достижения победы в Первой мировой войне и господствовать на этой территории.

Для отечественных и зарубежных работ по британской политике интервенции в Сибири характерно, что исследователи разных стран не вовлекали в научный оборот рассекреченные архивные исторические источники иностранного происхождения. Вследствие этого актуальна задача введения в научный оборот источников, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства. Из этого документального комплекса особый интерес представляют документы Военного кабинета Д. Ллойд Джорджа и его подведомственных учреждений, посвященные Сибири, что позволяет подробно исследовать историю вопроса.

В этом контексте выделяется составленный в марте 1918 г. меморандум разведывательного бюро Департамента информации Великобритании «Сибирь». Он делится на две части: у каждой из них были разные даты и темы [26, 27]. Первая часть от 14 марта 1918 г. посвящена географии и истории, а также характери-

стике населения Сибири и перспективам осуществления японской интервенции в этот российский регион. Вторая часть от 19 марта 1918 г. рассматривает развитие торговли в Сибири до Первой мировой войны и политическую ситуацию в этом регионе до и после Февральской революции.

Цель исследования. Анализ содержания меморандума «Сибирь» и определение значимости этого документа в то время, когда в Военном кабинете стала формироваться политика интервенции в Сибирь. Этот документ впервые вводится в научный оборот в отечественной историографии. Вследствие подробного аналитического характера меморандум позволяет значительно уточнить понимание и фактический смысл мотивации и целеполагания формируемой британской политики интервенции в Сибири в первой половине 1918 г., что определяет значимость этого документа и обеспечивает научную новизну настоящей статьи.

Методы исследования. Основными используемыми методами являются метод контент-анализа и системный метод. Первый метод позволил подробно раскрыть и проанализировать содержание меморандума «Сибирь», например, для определения мотивации и целеполагания планировавшейся интервенции и значимых аспектов планировавшейся политики интервенции по вниманию, которое уделяется тому или иному вопросу в тексте. С помощью второго метода была представлена взаимосвязь содержания документа с военно-политической и международной обстановкой, которая сложилась в первой половине марта 1918 г. и оказала воздействие на характер текста, его информативность и значимость представленной в нем информации.

Результаты исследования и их обсуждение. Меморандум «Сибирь» появился в обстоятельствах, которые были вызваны продолжающейся Первой мировой войной и заключением Брест-Литовского мирного договора. Именно они сильно влияли на британскую внешнюю политику и ее сибирское направле-

ние. Согласно этому договору, Россия выходила из войны, что означало ликвидацию Восточного фронта и переброску освободившихся немецких частей на Западный. Одновременно страна потеряла территории в Восточной Европе и на Кавказе. В этой связи Германия получала много возможностей, включая эксплуатацию приобретенных земель, установление доминирующего влияния на всей российской территории, а также возможность создания нового маршрута наступления через Россию в сторону британских колоний Ближнего Востока и Индии.

В таких обстоятельствах Соединенное Королевство решило перейти к формированию политики интервенции в российских регионах, включая Сибирь. Оно стало тщательно готовиться к отправке британского воинского контингента и вести переговоры с США и Японией об осуществлении союзного вторжения. Во время подготовки собиралась информация о Сибири, в том числе ее истории, географии, факторах и проблемах развития. В этой обстановке составленный в двух частях меморандум «Сибирь» (март 1918 г.) приобретал значимость и актуальность и соответствовал повестке дня Военного кабинета.

Первая часть, датированная 14 марта 1918 г., начиналась с определения понятия «Сибирь». Под ним подразумевались «все русские владения в Азии» [26, с. 80]. В их представлении территория Сибири размером около 5,5 млн м² на западе начиналась с Уральских гор, на востоке заканчивалась северной частью Тихого океана. На севере омывалась Северным Ледовитым океаном, на юге проходила от истоков р. Урал до хребта Тарбагатай, а оттуда вдоль северной границы Китая до юго-восточной части Забайкалья, затем вдоль рек Аргунь, Амур и Усури до границы с Кореей.

Сибирская география была разнообразной. Тундра являлась самой северной, болотистой, практически безлесной областью с вечно замершими недрами. Она потом переходила незаметно в тайгу или лесную зону, частично гористую и

почти непреодолимую, в частности, из-за тополя, ели, кедра, пихты, ольхи. Южнее находилась открытая (или по-другому сельскохозяйственная) зона, пригодная для заселения. Ее площадь в 2,5 раза превышала площадь Франции. В Сибири располагалась Транссибирская железнодорожная магистраль, основными реками являлись Обь, Енисей, Лена и Амур, через которые существовали пути входа с севера и востока далеко вглубь региона.

Относительно истории этого региона разведывательное бюро Департамента информации отмечало, что ее обычно связывали с Ермаком и Строгановым, который и предложил Ермаку совершить первую экспедицию на Восток в 1580 г. Завоевание Западной Сибири было на самом деле непосредственно связано с процессом мирного проникновения населения, перемещавшегося с Волги на Обь с XI в. Разведывательное бюро делало вывод, что «история России в Сибири, особенно в ее западной части, начинается со времен Новгородской республики» [26, с. 81]. Деятельность Ермака привела к замене правления татарского хана властью царя. За исключением временного отпора китайцев во второй половине XVII в., движение России к Тихому океану было стремительным.

Далее разведывательное бюро Департамента информации описывало три местности, которые географически образовывали Сибирь. Такой подход позволял более четко определить экономические возможности и потенциал этого региона.

К первой местности относилась Сибирь, в которую входили «два западные управления (Тобольск и Томск) и четыре восточные (Енисейск, Иркутск, Якутск и Забайкалье)» [26, с. 82]. Ее населяли девять миллионов человек. В частности, русские составляли 86,5 %, коренные жители – 10,9 %. Главными сибирскими городами являлись Омск с населением 128 тыс. человек, Иркутск – 127, Томск – 111, Красноярск – 13 тыс. человек.

Большинство местных племен – самоеды, чукчи и многие другие – были очень примитивны, главным вопросом

для них являлась защита от вымирания. Исключением были буряты, которые, в частности, первоначально были кочевниками-скотоводами, а затем занимались сельским хозяйством и индустриальной деятельностью, в которых добились заметного успеха. Этот народ отличался наличием национального самосознания. Как подчеркивало разведывательное бюро, буряты могли бы сыграть важную роль в связи с возможным приходом японцев в регион. Между этими народами было сильное ментальное и физическое сходство. У бурят мог бы возникнуть соблазн оказать особую помощь японцам, если бы они думали, что «таким образом взамен смогут добиться некоторого дальнейшего признания и укрепления своей автономии» [26, с. 83].

Также описывался феномен «сибиряка» – колониста родом из поселенцев. Сибиряки происходили, в частности, от казаков, предприимчивых людей, крепостных, которых российское правительство время от времени высылало в качестве поселенцев, политических ссыльных и преступников. С точки зрения специалистов разведывательного бюро Департамента информации, «обычный сибиряк является более энергичным, умным, предприимчивым и современным человеком, чем обычный европейский русский» [26, с. 84]. Из всех различных славянских групп России сибиряки, вероятно, являлись людьми, которые наилучшим образом будут заботиться об интересах своего региона, столкнувшись с грабительскими замыслами захватчика.

Большую роль в развитии Сибири сыграли казаки. Они всегда были очень яркими сторонниками имперской власти, что не помешало им считать себя революционерами, если бы какое-либо правительство попыталось ограничить их привилегии. Это ментальная особенность была зафиксирована в донесениях разведывательного бюро: «В настоящее время казаки окажутся более стабильной группой в Сибири в отличие от их европейских собратьев, но при нормальных обстоятельствах они не склонны поддер-

живать оседлый и прогрессивный образ жизни» [26, с. 85].

Ко второй местности отнесли Дальний Восток. Разведывательное бюро представляло его как продолжение Сибири. В состав Дальнего Востока входили Амурская и Приморская территории, полуостров Камчатка и, как было написано в тексте меморандума, западная часть о. Сахалина. На дальневосточной территории проживали больше 1 млн русских. В трех городах население составляло более 50 тыс. человек: во Владивостоке – 85 тыс. человек, Чите – 74, Благовещенске – 64 тыс. человек. Численность Амурского и Уссурийского казачества вместе составляла 40 тыс. человек.

Третьей местностью являлась степь. Она отделяла Сибирь от российской Центральной Азии и включала Уральск, Тургайск, Акмолинск и Семипалатинск. Разведывательное бюро Департамента информации сообщало: «Нынешняя статистика населения показывает, что туземцы <...> численно преобладают над русскими, составляя 55 % против 45 % русских» [26, с. 86]. Экономически эта местность являлась продолжением Юго-Восточной России и Южной Сибири, в то время как местные относили ее к Туркестану.

Далее разведывательное бюро Департамента информации переходило к актуальной теме для Военного кабинета Соединенного Королевства – японской интервенции. В Забайкалье японцы нашли бы среди бурят сочувствующих. Но к западу от Иркутска давление более плотного сибирского населения дало бы знать. Было трудно предполагать готовность японцев действовать активно на западе от этого города из-за большого расстояния и других осложнений. Таким образом подчеркивалось, что возможности Японии в различных частях Сибири были неоднозначны.

Вместе с тем, по мнению специалистов разведывательного бюро, на этом этапе японцы «могли бы стать наиболее эффективным средством по сплочению патриотических и любящих порядок элементов сибирского населения, в ре-

зультате чего их сопротивление немцам могло бы усилиться» [26, с. 87]. То, что любые действия японской стороны должны были сопровождаться представителями союзников, является обычной мерой предосторожности, поскольку русское население испытывало настоящий страх, недоверие и неприязнь к японцам более, чем к любым другим народам, за исключением немцев. В этой связи разведывательное бюро привело один характерный пример: «Возможно, полезно вспомнить, что крупная миссия, сопровождавшая японского посланника в Петрограде летом 1916 г., разделилась после завершения своей работы и распределилась по разным частям России для изучения экономической ситуации и т.д., уделяя особое внимание положению в Сибири на обратном пути» [26, с. 87].

Вторая часть меморандума разведывательного бюро Департамента информации рассматривает проблему развития торговли в Сибири до Первой мировой войны, а также политическую динамику в этом регионе до и после Февральской революции.

Сибиряки, никогда не подвергавшиеся деградации вследствие крепостного права, были по своей природе чем-то большим, чем общинный землевладелец или мелкий фермер. Наиболее способные, деловые из них занялись проблемой облегчения маршрутов экспорта и стимулирования развития кооперативных обществ, которые в Сибири практически обладали статусом профессиональных союзов. Постоянно ориентируясь на новые капиталы и рынки сбыта и стремясь создать производственный центр на Алтае, сибиряки считали, что экспорт сырья и импорт промышленных товаров соответствовали их интересам в рамках экономического роста региона. По оценке разведывательного бюро Департамента информации Великобритании, «Масштаб этого роста в последние годы был гораздо лучше оценен в Германии, чем в нашей стране, и, вероятно, является весомым фактором в разработке немецких планов в отношении России» [27, с. 302]. Сибиряки занимали более выгодное по-

ложение, чем русские жители европейской части. Например, по сравнению со средним по России показателем 4,5 десятин их земельные владения составляли в среднем 8–15 десятин, если являлись членами общины, а у отдельного частного собственника – 30–50 десятин.

Далее разведывательное бюро Департамента информации Великобритании перечисляло полезные ископаемые Сибири, которые составляли ее богатство: золото, серебро, медь, железо, свинец, уголь, нефть. Этот регион еще отличался наличием лесных ресурсов, зерновых культур и молочной продукции. Разведывательное бюро обращало внимание на следующее: «Молочная продукция, вероятно, станет доминирующей отраслью экономики в Западной Сибири; экспорт масла вырос с 2 440 000 кг в 1898 г. до 140 870 000 кг в 1909 г.» [27, с. 305]. По мнению британцев, Центральная Сибирь стала бы главным местом, где средняя урожайность основных зерновых культур значительно выше, чем в европейской части России. Интенсивное выращивание зерновых в дополнение к тому количеству, которое могло бы быть отправлено на экспорт, позволило бы региону содержать большое количество населения.

До Февральской революции политическое развитие Сибири было связано с местным самоуправлением. Если во многих сибирских городах оно было, то в сельской местности отсутствовало: они управлялись государством. Возникла идея введения земств, чтобы всеми местными делами – образованием, сбором средств на строительство дорог и многими другими – занимались те, кто был непосредственно знаком с положением дел. Позже появилась мысль об образовании Сибирской думы с подотчетными ей местными властями, чтобы объединить и заниматься сугубо делами региона, к которым Европейская Россия не проявляла прямого интереса. Но она не получила поддержку на высшем уровне, поскольку могла бы привести к выходу Сибири из состава России.

Разведывательное бюро особо подчеркивало, что «сибиряки не являются порабощенной расой: они являются частью России, которая никогда не захочет быть абсолютно независимой от России и которая всегда будет чувствовать себя в определенной мере противопоставленной азиатским народам на юге и востоке их территории» [27, с. 306]. Динамика политического развития Сибири изменилась после свержения абсолютизма, когда с новой силой стал обсуждаться вопрос о сибирской автономии, который должен был стать предметом обсуждения на Учредительном собрании. Актуальность также приобретала проблема с Сибирской думой.

По мере развития анархии в европейской части России и нарастания угрозы ее распространения в Сибири у сибиряков крепло ощущение необходимости самим заняться спасением региона. После большевистского государственного переворота в ноябре 1917 г. начался процесс установления советского контроля над Сибирью. Он сопровождался большими человеческими жертвами.

Разведывательное бюро Департамента информации Великобритании приводило информацию о текущей обстановке в Сибири от разных источников, указав в одних случаях их имена, в других – должности. В телеграмме британского консула в Красноярске от 14 февраля 1918 г. подчеркивалось, что было только два банка, которым дали разрешение работать в этом регионе: Государственный и Сибирский. Если первое банковское учреждение занималось государственными операциями, то деятельность второго, капитал которого являлся немецким, носила обычный коммерческий характер. Согласно заявлению военного министра Японии, к востоку от озера Байкал количество германских военнопленных составляло всего 94 тыс. человек, к западу от него – 60 тыс. Находившихся германских военнопленных в Омске вооружали, а собранное сырье предположительно отправлялось в Германию. Согласно депеше У. Грина от 16 февраля 1918 г., в районе Томска нахо-

дились 26 тыс. немецких и австрийских заключенных, которые были вооружены и подготовлены; такие же шаги были сделаны в Харбине, Иркутске и Красноярске. В телеграмме Дж. Джордана от 18 марта 1918 г. приводилось сообщение одного французского офицера, который заявил, что экономическое завоевание Сибири немцами «уже практически обеспечено» [27, с. 310]. В меморандуме отмечалось, что политика, проводимая в Сибири большевиками, по-видимому, была идентична той, которой придерживались в Европейской России: приведение всех экономических и социальных отношений к состоянию анархии. Это могло бы принести немцам выгоду, а также получить уважение местных жителей как восстановителей порядка.

В конце документа было отмечено, что «последние события указывают на неспособность сил Г.М. Семенова (1500 казаков) справиться с местной ситуацией» [27, с. 310]. Не имея возможности наступать на Читу, он, очевидно, ушел из Карымской и направился на восток из-за нехватки артиллерии в сторону пограничной станции в Маньчжурии.

Заключение. Рассмотрев меморандум разведывательного бюро Департамента информации Великобритании «Сибирь» (март 1918 г.), можно сделать следующие выводы. В марте 1918 г. Великобритания столкнулась с очень серьезными вызовами, грозившими привести ее к возможному поражению в Первой мировой войне и, следовательно, резкому ослаблению как мировой державы. Германская империя, как главный противник, добилась максимально выгодного Брест-Литовского мирного договора с руководством Советской России и получила множество возможностей и перспектив.

В частности, Германия потенциально могла воспользоваться ресурсами и инфраструктурой Сибири. Эта проблема сильно беспокоила руководство Военного кабинета Д. Ллойд Джорджа. Проанализировав обстановку в первой половине марта 1918 г., было решено перейти к политике интервенции в Сибири. В этих ус-

ловиях появилась необходимость получения актуальной информации о российском регионе, что позволило бы сформулировать мотивацию и целеполагание выбранной внешнеполитической линии. Эту задачу помог выполнить меморандум «Сибирь» (март 1918 г.).

Особенностью этого исторического источника является информативное описание прошлого и настоящего Сибирского региона с указанием его границ (в понимании британцев), основных городов, рек, инфраструктуры, количества жителей, соотношения национального состава, важных групп населения. В основном разведывательное бюро Департамента информации Великобритании обращало внимание на разнообразные ресурсы, рост экономики и внушительный потенциал региона, подчеркивая таким образом его экономическую привлекательность. Вскользь высказывалась мысль, что Германия хотела бы включить Сибирь в сферу своего влияния для решения военных и продовольственных проблем. В тексте меморандума «Сибирь», в частности, было указано, что именно немецкая сторона, в отличие от британской, лучше оценила экономический рост этого региона и стала учитывать это в своей политике относительно России. В Сибири работали всего два банка. Один из них немецкий Сибирский банк, который занимался коммерческой деятельностью. Также меморандум раскрывал положение дел с немецкими и австрийскими военнопленными в этом регионе, которых либо уже вооружили, либо собирались вооружить.

Таким образом, текст меморандума позволил сформулировать в качестве мотивации британской политики интервенции в Сибири страх попадания этого региона со всеми его ресурсами под контроль Германии. В качестве целеполагания предусматривалось предотвращение такого развития событий. Впоследствии это было зафиксировано во многих официальных британских документах. В частности, на заседании Имперского Военного кабинета 28 июня 1918 г. было обращено внимание на то, что следовало

«помешать Германии в вывозе товаров из Западной Сибири» [28, с. 23]; на другом заседании 23 декабря 1918 г. была упомянута недопустимость попадания ресурсов Западной Сибири немцам [29, с. 73]. Содержание документа представ-

ляло важное значение для выстраивания британской политики интервенции в данном российском регионе, которая стала в конечном итоге одним из факторов развития Гражданской войны в Сибири.

Список источников

1. *Анишев А.И.* Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л.: Гос. изд-во, 1925. 288 с.
2. *Яковлев Н.Н., Полунин С.* Английская интервенция в 1918–1920 гг. М.; Л.: Госиздат, 1928. 104 с.
3. *Якушкин Е.Е.* Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.; Л.: Госиздат, 1928. 96 с.
4. *Рейхберг Г.* Подготовка интервенции. Антанты и заговор Локкарта. 1918 год // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 76–83.
5. *Соловьев О.Ф.* Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38–53.
6. *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М.: Воениздат, 1977. 416 с.
7. *Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: Книгоиздат, 1979. 177 с.
8. *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
9. *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.
10. *Зимица В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М.: РГГУ, 2006. 467 с.
11. *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Содружество «Посев», 2012. 704 с.
12. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
13. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1920–1922 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
14. *Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с.
15. *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
16. *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.
17. *Coates W.P., Coates Z.K.* Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
18. *White J.* The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 269 p.
19. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920 // Dalhousie Review. 1960. Vol. 40. P. 360–371.
20. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920 // Dalhousie Review. 1961. Vol. 40. P. 520–531.
21. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. 360 p.
22. *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.

23. *Jackson R.* At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 251 p.
24. *Hudson M.* Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
25. *Moffat I.* Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
26. G.T. 3924. Memorandum on Siberia. I. Report by Department of Information, Intelligence Bureau. 14 March 1918 // The National Archives (TNA). CAB 24/45/24. P. 80–87.
27. G.T. 3986. Memorandum on Siberia. II. Report by Department of Information, Intelligence Bureau. 19 March 1918 // TNA. CAB 24/45/86. P. 302–310.
28. Imperial War Cabinet, 22. Minutes of the twenty-second Meeting. 28 June 1918 // TNA. CAB 23/41/8. P. 23–25.
29. Imperial War Cabinet, 45. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet. 23 December 1918 // TNA. CAB 23/42/17. P. 71–76.

References

1. *Anishev A.I.* Ocherki istorii grazhdanskoï voiny 1917–1920. L.: Gos. izd-vo, 1925. 288 s.
2. *Yakovlev N.N., Polunin S.* Angliyskaya interventsia v 1918–1920. M.-L.: Gosizdat, 1928. 104 s.
3. *Yakushkin E.E.* Kolchakovshchina i interventsia v Sibiri. M.; L.: Gosizdat, 1928. 96 s.
4. *Reichberg G.* Podgotovka interventsii. Antanta i zagovor Lockharta. 1918 // Istoricheskii zhurnal. 1938. № 12. S. 76–83.
5. *Soloviev O.F.* Podgotovka i nachalo interventsii protiv Sovetskoi Rossii // Voprosy istorii. 1967. № 7. S. 38–53.
6. *Kuzmin G.V.* Razгром interventov i belogvardeitsev v 1917–1922. M.: Voenizdat, 1977. 416 s.
7. *Liwschiz S.G.* Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri v 1918–1920. Barnaul: Knigoizdat, 1979. 177 s.
8. *Volkov F.D.* Tainy Uaytkholla i Dauning-strit. M.: Mysl', 1980. 462 s.
9. *Svetachev M.I.* Imperialisticheskaya voina v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.). Novosibirsk: Nauka, 1983. 336 s.
10. *Zimina V.D.* Beloe delo vzbuntovavsheysya Rossii. Politicheskii rezhim Grazhdanskoï voiny 1917–1920 gg. M.: RGGU, 2006. 467 s.
11. *Gagkuev R.G.* Beloe dvizhenie na yuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyy sostav. 1917–1920 gg. M.: Sodruzhestvo "Posev", 2012. 704 s.
12. *Tsvetkov V.J.* Beloe delo: 1917–1919. M.: Yauza-Katalog. 1056 s.
13. *Tsvetkov V.J.* Beloe delo: 1920–1922. M.: Yauza-Katalog. 1056 s.
14. *Utkin A.I.* Pervaya mirovaya voina. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 560 s.
15. *Bystrova N.E.* "Russkiy vopros" v 1917 – nachale 1920: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy. M.: Institut rossiyskoï istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh issledovaniy, 2016. 368 s.
16. *Sergeev E.Yu.* Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu. Saint Peterburg: Nauka, 2019. 831 s.
17. *Coates W.P., Coates Z.K.* Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
18. *White J.* The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 269 p.

19. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // *Dalhousie Review*. 1960. Vol. 40. P. 360–371.
20. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: II // *Dalhousie Review*. 1961. Vol. 40. P. 520–531.
21. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. 360 p.
22. *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
23. *Jackson R.* At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 251 p.
24. *Hudson M.* Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
25. *Moffat I.* Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
26. G.T. 3924. Memorandum on Siberia. I. Report by Department of Information, Intelligence Bureau. 14 March 1918 // The National Archives (TNA). CAB 24/45/24. P. 80–87.
27. G.T. 3986. Memorandum on Siberia. II. Report by Department of Information, Intelligence Bureau. 19 March 1918 // TNA. CAB 24/45/86. P. 302–310.
28. Imperial War Cabinet, 22. Minutes of the twenty-second Meeting. 28 June 1918 // TNA. CAB 23/41/8. P. 23–25.
29. Imperial War Cabinet, 45. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet. 23 December 1918 // TNA. CAB 23/42/17. P. 71–76.

Статья принята к публикации 5.07.2024/
The article has been accepted for publication 5.07.2024.

Информация об авторе:

Сергей Алексеевич Миронюк, ассистент кафедры истории Института экономики и управления агропромышленного комплекса, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Sergey Alekseevich Mironyuk, Assistant at the Department of History, Institute of Economics and Management of the Agro-Industrial Complex, Candidate of Historical Sciences

